

Археологические вести

— 26 —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

А. М. С.

Archaeological news

26
(2020)

On the 90th anniversary of Aleksandr Danilovich Grach

SAINT PETERSBURG
2020

Археологические вести

26
(2020)

К 90-летию Александра Даниловича Грача

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвоцинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Редакторы-составители: А. В. Поляков, Н. Ю. Смирнов, М. Т. Кашуба

Рабочая группа: В. С. Бусова, М. Е. Килуновская, Н. А. Лазаревская, Д. Г. Савинов

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор И. Л. Тихонов, доктор исторических наук, профессор В. В. Бобров

Археологические вести, Институт истории материальной культуры РАН. – 1992. – **Вып. 26** / [Гл. ред. Н. В. Хвоцинская]. – СПб., 2020. – 304 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередном выпуске «Археологических вестей» ИИМК РАН публикуются избранные материалы, представленные участниками конференции «Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург – 2», прошедшей в г. Санкт-Петербурге в декабре 2018 г. Конференция была приурочена к 90-летию со дня рождения А. Д. Грача – выдающегося отечественного археолога, крупного исследователя древностей Центральной Азии и основателя двух направлений в рамках ленинградской археологической школы: археологического изучения Тувы и археологического изучения Ленинграда / Санкт-Петербурга. Отдельный раздел затрагивает актуальные проблемы спасательных археологических исследований в зонах затоплений на примерах работ отечественных и иностранных ученых. В мемориальной части помещены воспоминания младших коллег и друзей А. Д. Грача о его научном пути в археологии, разносторонне характеризующие его личность и вклад в развитие археологии Тувы и Санкт-Петербурга. Важную часть составляют документальные свидетельства, связанные с работой А. Д. Грача в ЛОИА АН СССР, его руководством крупнейшей в СССР Саяно-Тувинской экспедицией Академии наук, а также решение Ученого совета ИИМК РАН об ошибочности его увольнения из ЛОИА АН СССР и признании его заслуг перед отечественной археологией. Издание сопровождается фотографиями, хранящимися в Научном архиве ИИМК РАН и в личных архивах авторов, многие из которых публикуются впервые.

The current issue of the “Arkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS includes selected materials presented by participants of the conference “Ancient cultures of Central Asia and Saint Petersburg – 2” held in Saint Petersburg in December, 2018, and timed to the 90th anniversary of A. D. Grach – a prominent national archaeologist, outstanding researcher of antiquities of Central Asia and the founder of two Leningrad archaeological schools: archaeological studies of Tuva and archaeological investigations of Leningrad / Saint Petersburg. A particular section is concerned with urgent problems of rescue archaeological investigations in submergence zones at the examples of Russian and foreign scholars. The memorial part contains reminiscences by younger colleagues and friends of A. D. Grach about his scientific career in archaeology characterizing many aspects of his personality and his contribution to the progress of archaeology of Tuva and Saint Petersburg. An important part was constituted by documentary evidence concerned with A. D. Grach’s work in the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology (LOIA), AS USSR, and his guidance of the largest in the USSR Sayan-Tuva Archaeological Expedition of the Academy of Sciences, as well as the resolution of the Scientific Council of IIMK on the fallaciousness of his dismissal from the LOIA AS USSR and recognition of his service to the national archaeology. The publication includes photographs kept at the Scientific Archives of IIMK RAS and in personal archives of the authors; many are published for the first time.

Обложка / Cover:

Первая страница – Роговая поясная пряжка из кургана 13 могильника Саглы-Бажи II (к статье Л. С. Марсадолова)

Fist page of cover – Horn belt buckle from barrow 13 at the cemetery of Sagly-Bazhi II (article by L. S. Marsadolov)

Четвертая страница – Дорога в Старый Шагонар (ныне – дно Тувинского моря) и петроглифы Овьюра (петроглифы – к статье В. С. Бусовой, М. Е. Килуновской)

Fourth page – Road to Stary (Old) Shagonar (now bottom of the Tuva Sea) and petroglyphs in Ovyur (petroglyphs – article by V. S. Busova and M. E. Kilunovskaya)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

ISSN 1817-6976

ПОГРЕБЕНИЯ КАТАКОМБНОГО ТИПА В МАТЕРИАЛАХ ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ¹

А. В. Поляков²

Аннотация. На сегодняшний день в материалах окуневской культуры Минусинских котловин известно 15 уникальных погребений катакомбного типа. Они существуют исключительно в самом раннем периоде сложения окуневской культуры. На этом основании можно сделать вывод о том, что погребения катакомбного типа являются одним из важных маркеров миграции – появления новой группы населения, которая принесла в Минусинские котловины свой «культурный багаж», который и определил в дальнейшем своеобразие окуневского феномена.

Annotation. Presently, among the materials of the Okunev culture of the Minusinsk hollows, fifteen unique burials of the catacomb type are known. They were used only in the very earliest period of the formation of the Okunev culture. This fact suggests that the graves of the catacomb type are among the most important markers of migration, i.e. the appearance of a new group of population which brought its own 'cultural luggage' to the Minusinsk hollows having determined the future peculiarity of the Okunev phenomenon.

Ключевые слова: Минусинские котловины, ранний бронзовый век, окуневская культура, уйбатский этап, катакомбы.

Keywords: Minusinsk hollows, Early Bronze Age, Okunev culture, Uybat stage, catacombs.

doi.org/10.31600/1817-6976-2020-26-98-110

История изучения

Впервые на территории Минусинских котловин катакомбное погребение обнаружено А. Н. Липским в 1951 г. при раскопках могильника Есь (*Липский, 1954*). В тот период окуневская культура еще не была выделена как самостоятельное явление, и автор раскопок причислил открытую им конструкцию к афанасьевским памятникам. Уникальные черты этого захоронения (первая катакомба, единственное трупосожжение окуневской культуры) и невысокий даже по меркам того времени методический уровень фиксации предопределили сдержанное отношение археологов к этой «сенсации» (рис. 1, 1). В дальнейшем материалы этих раскопок практически не были включены в крупные обобщающие работы.

Следующие два катакомбных погребения найдены в 1961 г. Н. В. Леонтьевым при исследовании

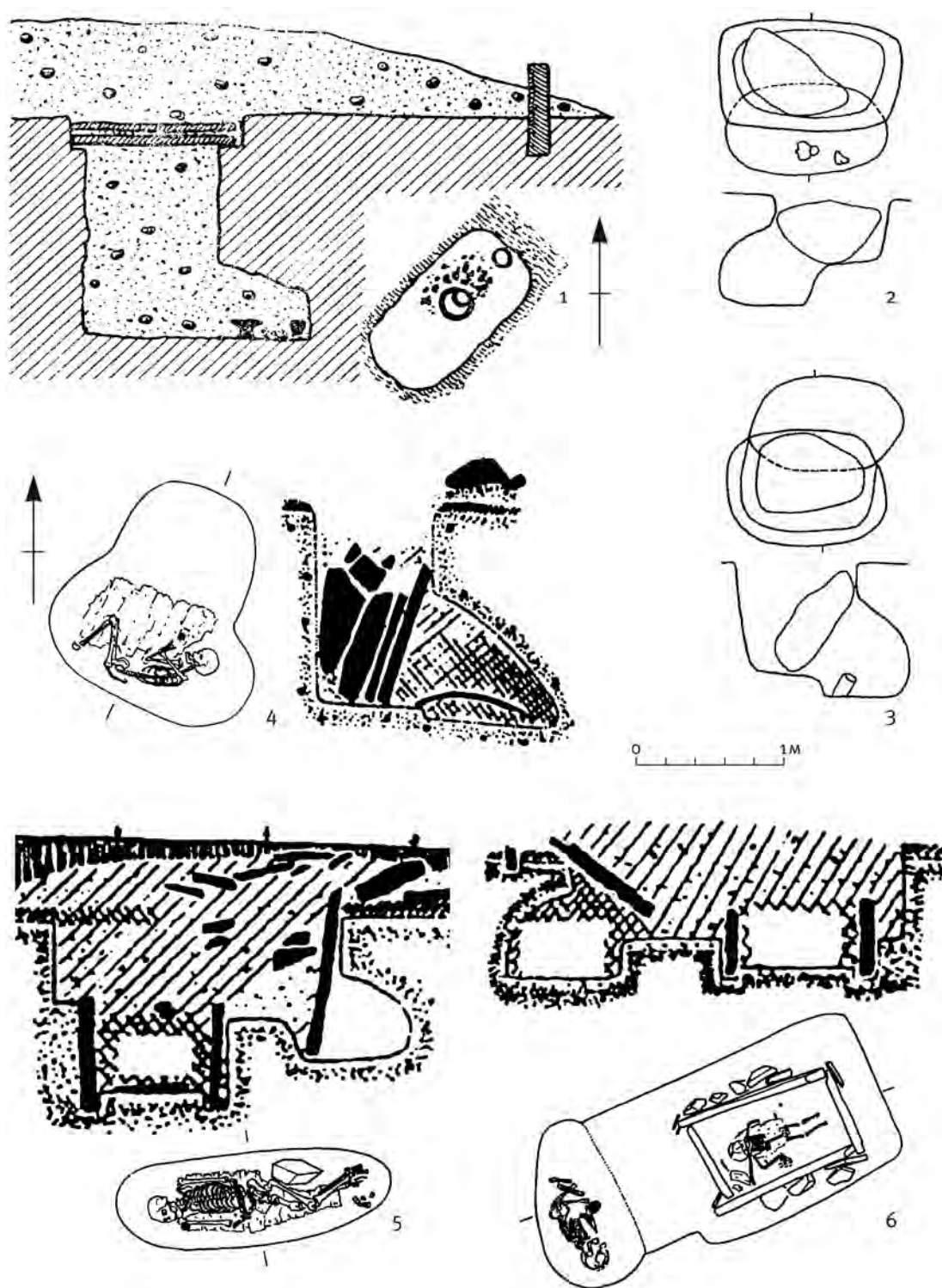
могильника Уйбат I (рис. 1, 2, 3). Однако эти материалы долгое время не вводились в научный оборот и были известны только специалистам по окуневской культуре. В результате осмысление этого удивительного явления не проводилось, и опубликованы они были только через 45 лет усилиями немецких специалистов (*Наглер, Парцингер, 2006*).

Кардинальный поворот в изучении могил этого типа произошел только в середине 1990-х гг. в результате раскопок И. П. Лазаретова могильников Уйбат III и Уйбат V. Были обнаружены три погребения, имеющие схожую между собой конструкцию, отчасти напоминающую подбой (рис. 1, 4–6). После их публикации в первом сборнике, посвященном окуневской культуре, не осталось сомнений в существовании особого типа погребальных сооружений (*Лазаретов, 1997*). Одновременно развернулась оживленная дискуссия о том, как их правильно называть: катакомбы или подбой (*Соколова, 2006, С. 254*). Уже тогда И. П. Лазаретов отметил приуроченность этих погребений к уйбатскому этапу культуры (*Лазаретов, 1997, С. 39*).

В последнее десятилетие И. П. Лазаретов и А. В. Поляков реализовали крупный проект по изучению раннего уйбатского этапа окуневской культуры. Были проведены раскопки значительной серии

¹ Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0004 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. – I тыс. до н. э.)».

² 191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18. Институт истории материальной культуры РАН, Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа. Адрес электронной почты: poliakov@yandex.ru.

Рис. 1. Планы и разрезы погребений катакомбного типа окуневской культуры, исследованных с 1951 по 1994 г.
 1 – Есь; 2 – Уйбат I, курган 1, могила 1; 3 – Уйбат I, курган 1, могила 7; 4 – Уйбат III, курган 1, могила 2; 5 – Уйбат V, курган 1, могила 4; 6 – Уйбат V, курган 1, могила 6

Fig. 1. Plans and sections of burials of the catacomb type of the Okunev culture investigated from 1951 to 1994.
 1 – Yes'; 2 – Uybat I, barrow 1, grave 1; 3 – Uybat I, barrow 1, grave 7; 4 – Uybat III, barrow 1, grave 2; 5 – Uybat V, barrow 1, grave 4; 6 – Uybat V, barrow 1, grave 6

курганов, датирующихся этим временем: Уйбат-Чарков, курган 1; Красный Камень, курганы 1 и 2; Итколь II, курганы 12 и 14. В результате этих исследований обнаружены девять погребений катакомбного типа, материалы которых еще вводятся в научный оборот (Лазаретов, Поляков, 2018а; 2018б; Поляков и др., 2018).

Таким образом, на сегодняшний день в окуневской культуре известно 15 погребений катакомбного типа (рис. 2; 3). Этот новый массив данных требует проведения его первичной систематизации и осмысления.

Расположение

Катакомбные погребения расположены практически по всей площади курганов, не образуя каких-либо лакун или скоплений. Они не обладали каким-то особым статусом и размещались на площади окуневских курганов согласно схеме, свойственной всем могилам раннего уйбатского этапа (Поляков, 2017б). Единственный случай, когда погребение (могила 2) находилось к СВ от центрального сооружения, прослежен в уникальном кургане 1 могильника Уйбат III. Это одно из наиболее ранних известных сооружений окуневской культуры, и, возможно, в данном случае мы наблюдаем рудимент еще более древних моделей размещения могил.

Интересной является традиция размещения входа и погребальной камеры в различных зонах кургана. Можно выделить шесть случаев схожего по идее размещения. Могила 6 кургана 1 могильника Уйбат-Чарков располагалась по юго-западной границе кургана, при этом вход находился за пределами ограды, а погребальная камера – уже внутри. В процессе сооружения этой могилы ограда была частично разобрана, сделана катакомбная конструкция, совершено захоронение и уже после того, как были установлены плиты, запирающие вход, поверх них была восстановлена ограда. Еще в четырех случаях (Уйбат III, курган 1, могила 2; Итколь II, курган 12, могилы 4-А, 11 и 13) та же идея реализована по отношению к центральному сооружению. Вход в могилу находился за его пределами, а сама погребальная камера выкапывалась так, чтобы заходить под него. Наконец, самый любопытный случай зафиксирован в могиле 8 кургана 14 могильника Итколь II, где окуневский курган был построен поверх афанасьевского. Это погребение было

расположено по границе афанасьевской ограды, соблюдая тот же принцип. Вход находился за пределами ограды, а погребальная камера – внутри. Возможно, эта идея связана с попыткой отделить два «мира». Получалось, что вход в могилу находился в «мире живых», а сама погребальная камера уже в «мире мертвых». Этой идее подчинено каждое третье обнаруженное в настоящее время катакомбное погребение.

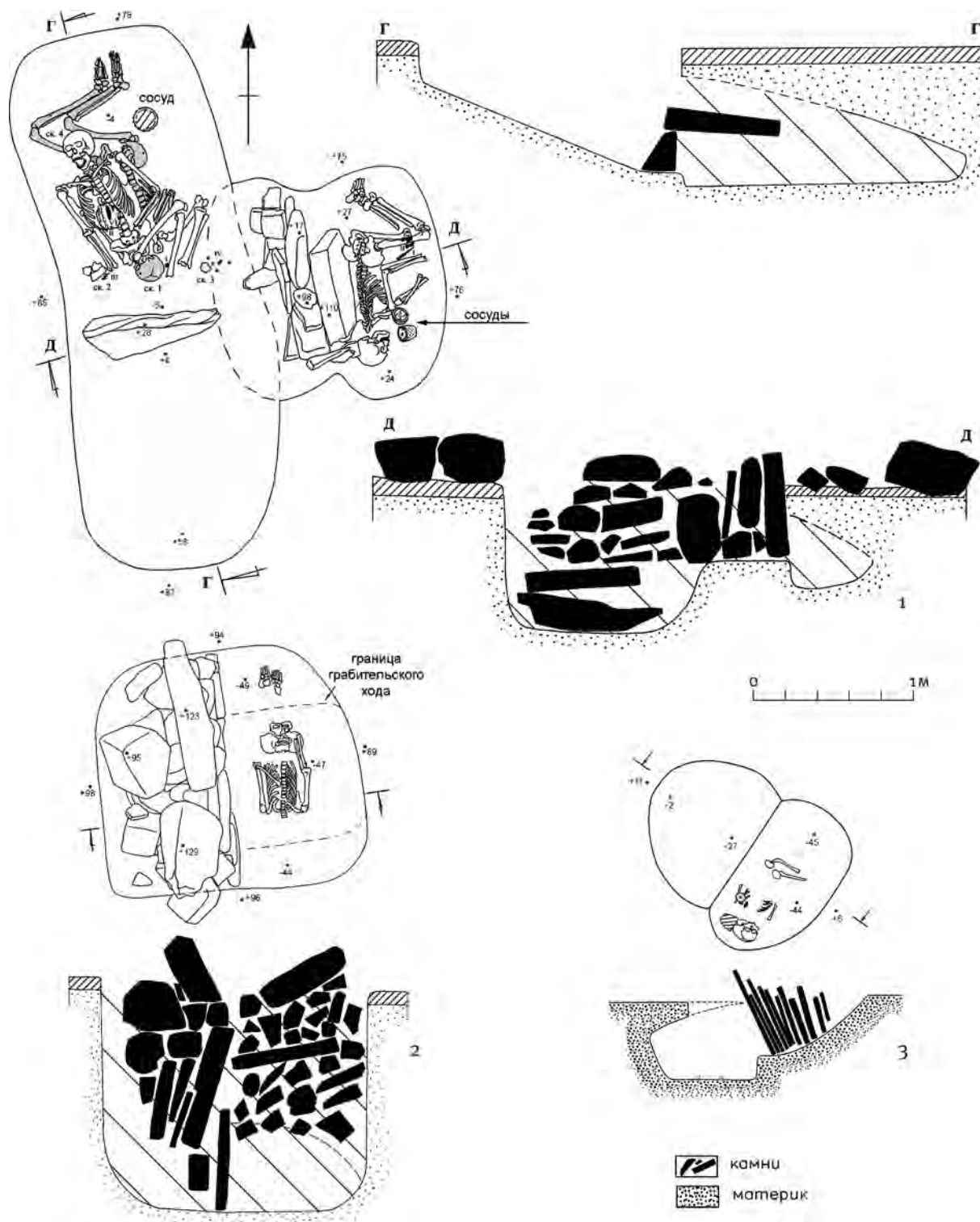
Конструкции

Катакомбные погребения окуневской культуры весьма разнообразны по своей конструкции. Дискуссия о том, следует ли их называть катакомбами или подбоями, имеет под собой все основания. Некоторые из них действительно представляют собой простую нишу в земляной стенке могилы, отгороженную плитами. Другие имеют весьма сложные и проработанные детали, полностью исключающие возможность называть их подбоями. Причем оба типа конструкций встречаются неподалеку друг от друга в одном кургане и не могут рассматриваться как результат хронологической эволюции. Нет сомнений, что они существуют одновременно.

Учитывая многочисленные параллели окуневских памятников и катакомбной культурно-исторической общности, логично попытаться систематизировать имеющиеся материалы на основе хорошо проработанных типологических схем восточноевропейских степей (Кияшко, 1999; Братченко, 2001). Однако погребения катакомбного типа окуневской культуры не укладываются в эти схемы. Нет сомнений, что мы имеем дело с конструкциями одного принципа, однако использованные при разработке этих типологий ведущие признаки не применимы к окуневским материалам. Это не удивительно, учитывая расстояние свыше 3000 км. Погребения катакомбного типа окуневской культуры явно прошли самостоятельный путь своей эволюции, в результате чего обрели заметное своеобразие.

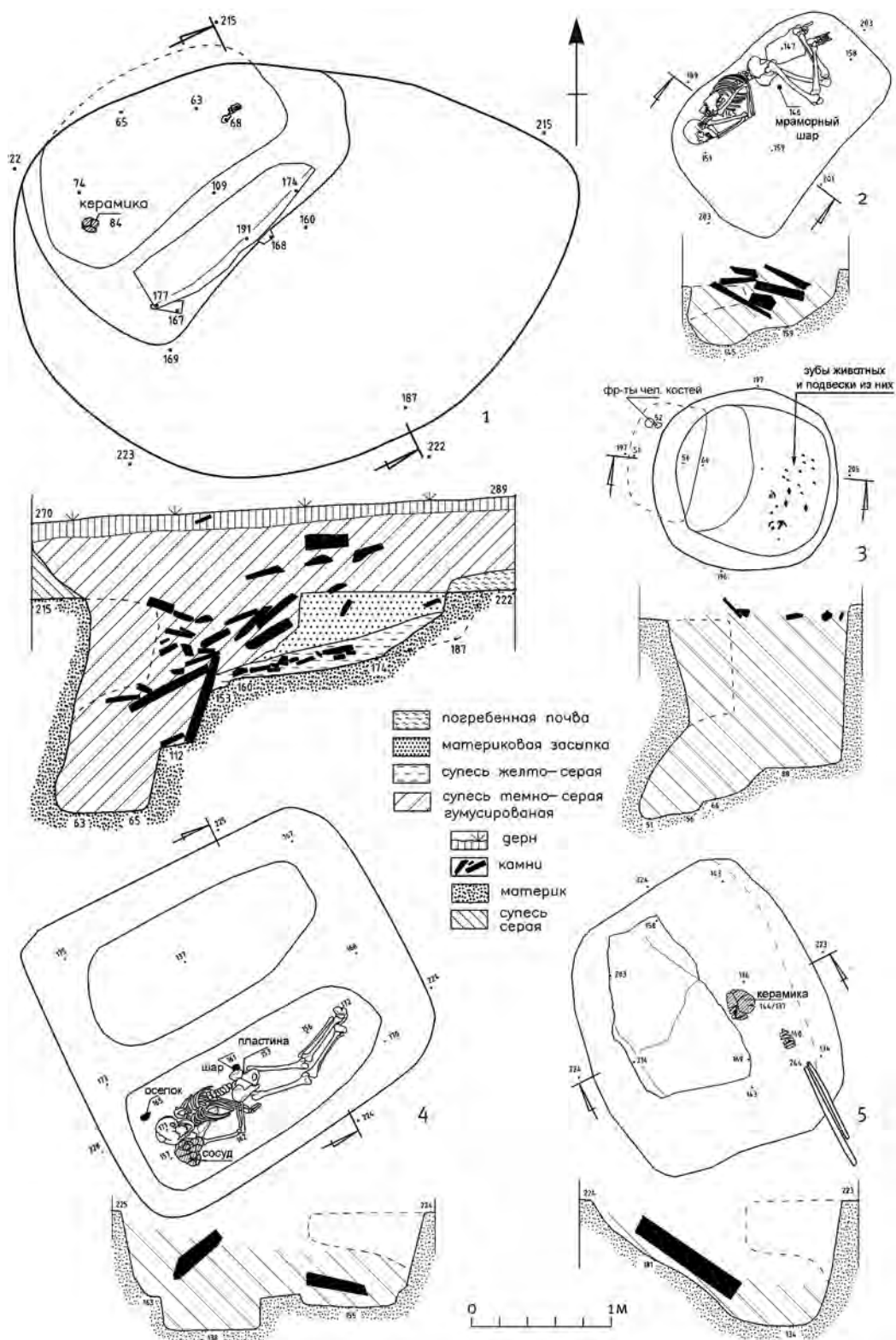
Можно выделить главную особенность катакомбных погребений – боковой вход в погребальную камеру. В результате свод погребальной камеры выглядит в виде земляного потолка. Фактически они состоят из двух частей: вход и погребальная камера, разделенных вертикальной перегородкой из плит. Обращает на себя внимание, что практи-

Рис. 2. Планы и разрезы погребений катакомбного типа окуневской культуры, исследованных в 2009–2010 гг.
 1 – Уйбат-Чарков, могилы 3 и 4; 2 – Уйбат-Чарков, могила 6; 3 – Итколь II, курган 14, могила 8

Fig. 2. Plans and sections of burials of the catacomb type of the Okunev culture investigated in 2009–2010.
 1 – Uybat-Charkov, graves 3 and 4; 2 – Uybat-Charkov, grave 6; 3 – Itkol II, barrow 14, grave 8

Рис. 3. Планы и разрезы погребений катакомбного типа окуневской культуры, исследованных в 2017 г. при раскопках кургана 12 могильника Итколь II. 1 – могила 5; 2 – могила 13; 3 – могила 12; 4 – могила 4; 5 – могила 11

Fig. 3. Plans and sections of burials of the catacomb type of the Okunev culture investigated in 2017 during excavations of barrow 12 at the cemetery of Itkol II. 1 – grave 5; 2 – grave 13; 3 – grave 12; 4 – grave 4; 5 – grave 11

чески все погребения (за исключением двух) имеют ступеньку в месте перехода между отсеками, в результате чего пол погребальной камеры всегда оказывается ниже уровня дна входа. Без сомнений, эта примечательная деталь имеет особое значение.

Для формирования самостоятельной типологии окуневских катакомбных погребений пока недостаточно материалов. Однако можно попытаться разделить их на несколько обособленных групп, когда ведущим признаком является способ оформления входа. Согласно этому признаку выделяются три группы: группа 1 – в качестве входа использована другая могила; группа 2 – вход в виде вертикальной шахты; группа 3 – вход в виде наклонного «дромоса».

Группа 1 (3 случая) – наиболее интересные погребения, зафиксированные в: Уйбат V, курган 1, могилы 4 и 6 (Лазаретов, 1997); Итколь II, курган 12, могила 4-А (рис. 1, 5, 6; 3, 4). Это небольшие сооружения, которые не имели собственного входа, а были сделаны из другой могилы. Во всех трех случаях они связаны с грунтовыми могилами с заплечиками. Причем катакомбное погребение всегда выкапывалось выше уровня заплечиков. Получалось, что из единого входа сооружали две погребальные камеры: одну вниз, а другую вбок. Установить достоверно, сооружались они одновременно или катакомба устраивалась позднее, пока не удалось.

Группа 2 (7 случаев) – самые многочисленные погребения: Есь (Липский, 1954); Уйбат I, курган 1, могилы 1 и 7 (Наглер, Парцингер, 2006); Уйбат III, курган 1, могила 2 (Лазаретов, 1997); Уйбат-Чарков, курган 1, могилы 4 и 6 (Лазаретов, Поляков, 2018а); Итколь II, курган 12, могила 12 (рис. 1, 1–4; 2, 1, 2; 3, 3). В отличие от предыдущей группы, это полностью самостоятельные конструкции, не привязанные к другим могилам. Вход оформлен в виде вертикальной шахты с отвесными стенками от 0,5 до 1,2 м высотой. Шахта имеет круглую или овальную форму. В нижней части боковой стенки сооружалась ниша, уходящая ниже уровня дна входной камеры, тем самым формируя «материковую» ступеньку. Эта конструктивная деталь отсутствует только в погребениях Есь и Уйбат-Чарков, курган 1, могила 6. Не исключено,

что она могла быть не прослежена в процессе работ. Погребальная камера обычно небольшая и развернута длинной осью перпендикулярно по отношению к оси входа. Во всех случаях, кроме могильника Есь, прослежена каменная закладка, отделяющая одну камеру от другой. Последний памятник уникален еще и тем, что входная камера на уровне «материка» была перекрыта двумя мощными плитами. К сожалению, многочисленные случаи недостоверной фиксации полевых материалов А. Н. Липским не позволяют полностью доверять его чертежам и описаниям.

Группа 3 (5 случаев) – погребения с наклонным «дромосом»: Уйбат-Чарков, курган 1, могила 3 (Лазаретов, Поляков, 2018а); Итколь II, курган 14, могила 8; Итколь II, курган 12, могилы 5, 11 и 13 (рис. 2, 1, 3; 3, 1, 2, 5). Это весьма разнообразная группа, в которой присутствуют простые и очень сложные конструкции. Простой вариант предполагает короткий наклонный ход и небольшую камеру, расположенную практически под погребенным дерном, отгороженную вертикальными плитами: Итколь II, курган 14, могила 8; Итколь II, курган 12, могилы 11 и 13. В двух случаях конструкции были сложнее. В могиле 3 кургана 1 могильника Уйбат-Чарков прослежен наклонный ход протяженностью более 1,5 м. От погребальной камеры его отделяла земляная ступенька, поверх которой лежал брусчатый камень на всю ширину прохода, на который была установлена запирающая вход плита. В данном случае интересно, что погребальная камера была развернута не поперек оси входа, а продолжала его линию. Во втором случае (Итколь II, курган 12, могила 5) наклонный ход также имел протяженность чуть более 1,5 м, причем был засыпан материковым песком. Эту конструкцию отличает значительная глубина (свыше 1,65 м) и наличие двух очень высоких ступенек (каждая около 0,6 м), отделяющих вход от погребальной камеры.

Предложенная первая попытка систематизации материалов не может рассматриваться как типология, так как предложенные группы катакомбных погребений не выстраиваются в какую-либо линию развития. Они все существовали одновременно и часто совместно представлены в одном кургане.

Обряд

Обряд захоронения катакомбных погребений представлен традиционной ингумацией. Случай, когда в могиле обнаружены обожженные кости человека (Есь), вызывает много вопросов и по-прежнему остается единственным в окуневской культуре. До момента фиксации хотя бы еще одного качественно документированного доказательства использования огня в погребальной практике окуневских племен не стоит принимать его во внимание.

В большинстве случаев зафиксированы одиночные захоронения. Исключение представляет могильник Уйбат-Чарков, где во всех трех катакомбных погребениях обнаружены кости нескольких человек. В двух случаях (могилы 4 и 6), помимо основного погребения, зафиксированы кости новорожденного, а в могиле 3 находились скелеты двух взрослых мужчин и двух новорожденных (рис. 2, 1). Их расположение друг на друге не оставляет сомнения, что это результат позднейшего подзахоронения – весьма распространенного явления в материалах окуневской культуры. Возможно, что все три случая являются отражением данной традиции. Их нельзя рассматривать как коллективные захоронения.

Наиболее интересная особенность связана с положением тела погребенного в могиле. Позу погребенного удалось установить в 11 случаях. При этом традиционное положение на спине с подогнутыми ногами и поднятыми вверх коленями, которое считается «визитной карточкой» окуневской культуры, зафиксировано только четыре раза у погребенных исключительно мужского пола (Уйбат V, курган 1, могила 4; Уйбат-Чарков, курган 1, могилы 3 и 6). В семи случаях наблюдается очень редкое положение тела на боку. В шести случаях погребенные были уложены на правый бок, и в одном, вызывающем некоторые сомнения (на первоначальном месте зафиксирована только одна ступня), – на левом. Необходимо отметить, что положение тела на боку изредка встречается в погребениях уйбатского этапа окуневской культуры (15 случаев). Причем до последнего времени оно было устойчиво связано с захоронениями женщин. В одном случае (Уйбат-Чарков, курган 1, могила 11) даже зафиксировано парное погребение, где женщина была положена на правом боку, а мужчина –

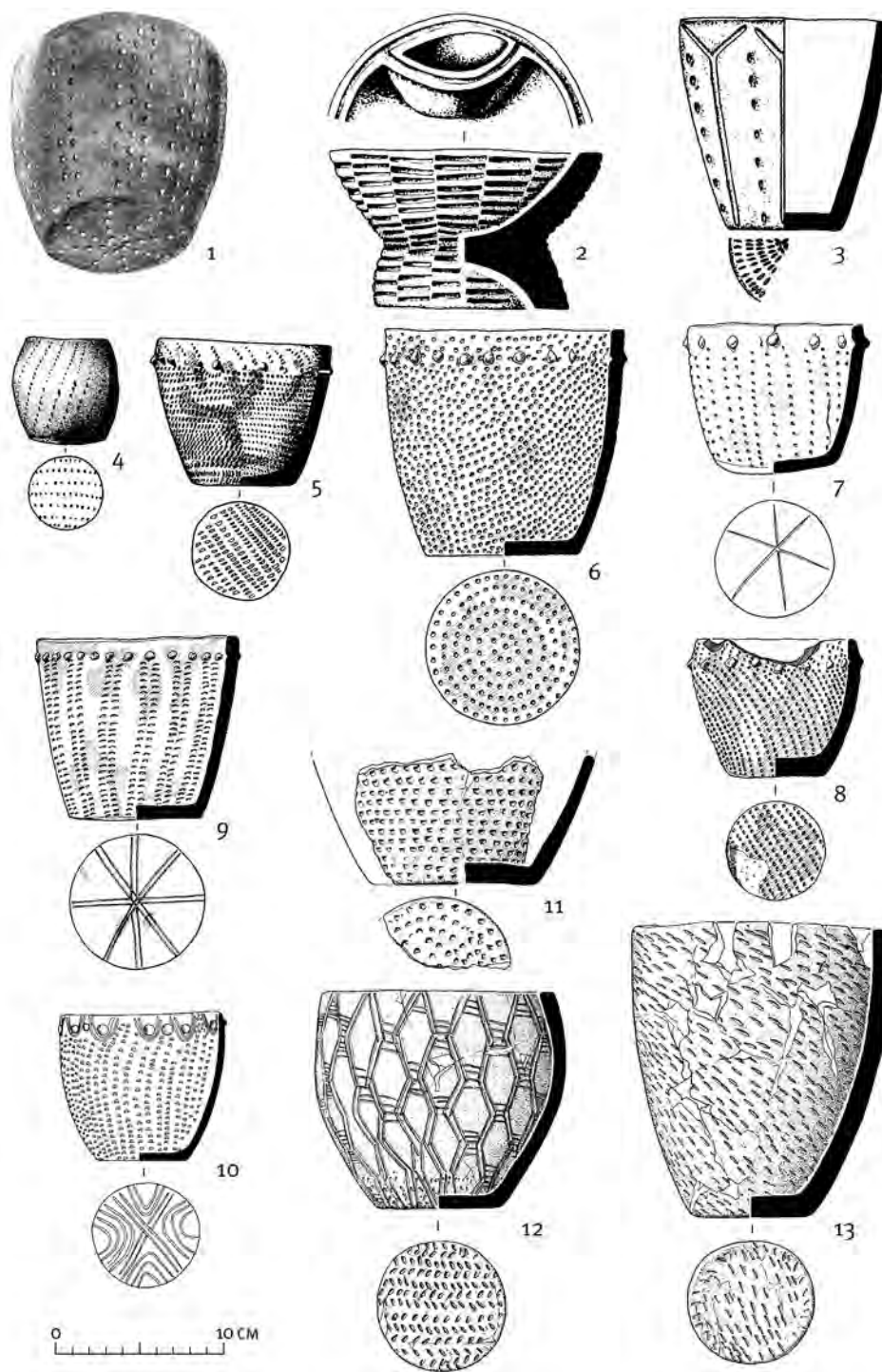
на спине с поднятыми вверх коленями. Однако в 2017 г. при раскопках кургана 12 могильника Итколь II обнаружено сразу два погребения катакомбного типа с захоронениями мужчин на правом боку. Учитывая, что это непо потревоженные захоронения с прекрасно сохранившимся антропологическим материалом, вероятность ошибки в определении пола практически исключена.

Таким образом, наблюдается устойчивая связь погребений катакомбного типа с редким положением тела на боку. Учитывая, что оба эти явления относятся исключительно к уйбатскому этапу культуры, можно рассматривать их как определенные хронологические маркеры.

Материалы

В большинстве погребений обнаружены керамические сосуды характерной баночной формы (рис. 4). Их внешняя поверхность орнаментирована рядами акцентированных наколов различной формы, сделанных концом палочки-орнамента. Важной особенностью является обязательное покрытие дна сосудов аналогичными рядами или узором в виде солярного символа. У большинства сосудов под венчиком орнамент дополнен одним рядом «жемчужин». Практически все сосуды снаружи имеют следы окраски охрой. Вышеперечисленные признаки характеризуют керамику уйбатского этапа окуневской культуры, причем его ранний период.

Среди особенностей стоит отметить единственную курильницу с перегородкой, обнаруженную А. Н. Липским в могильнике Есь (рис. 4, 2), а также два сосуда выделяются по своему узору. Первый из них (Уйбат I, курган 1, могила 7) отличается фигурами в виде «рогатки» (вертикальная линия с развилкой наверху), разделенными вертикальными рядами традиционных отрисков (рис. 4, 3). Изделие такой формы, выполненное из обрезка рога, обнаружено в могиле 3 кургана 12 могильника Итколь II. В этом же погребении стоял сосуд, поверхность которого была нанесена раскраска красной краской в виде аналогичных фигур (Поляков и др., 2018. Рис. 11). Этот изобразительный элемент, но в ином контексте (например, в наголовье антропоморфных ликов) часто встречается на стелах окуневской культуры

Рис. 4. Керамические сосуды из погребений катакомбного типа окуневской культуры. 1, 2 – Есь; 3 – Уйбат I, могила 7; 4 – Уйбат V, курган 1, могила 4; 5 – Уйбат V, курган 1, могила 6; 6 – Уйбат-Чарков, могила 3; 7, 8 – Уйбат-Чарков, могила 4; 9 – Уйбат-Чарков, могила 6; 10 – Итколь II, курган 14, могила 8; 11 – Итколь II, курган 12, могила 5; 12 – Итколь II, курган 12, могила 5; 13 – Итколь II, курган 12, могила 4А

Fig. 4. Pottery from burials of the catacomb type of the Okunev culture. 1, 2 – Yes'; 3 – Uybat I, grave 7; 4 – Uybat V, barrow 1, grave 4; 5 – Uybat V, barrow 1, grave 6; 6 – Uybat- Charkov, grave 3; 7, 8 – Uybat-Charkov, grave 4; 9 – Uybat-Charkov, grave 6; 10 – Itkol II, barrow 14, grave 8; 11 – Itkol II, barrow 12, grave 5; 12 – Itkol II, barrow 12, grave 5; 13 – Itkol II, barrow 12, grave 4A

(Ковалев, 1997. Табл. VII, 2, 3). Еще один сосуд был покрыт уникальным орнаментом в виде сдвоенных вертикальных линий, соединенных между собой группами поперечных коротких линий, в результате чего образовывались своеобразные «соты» (рис. 4, 12). Эти элементы, каждый отдельно, весьма широко представлены на окуневской керамике, но это единственный случай, когда они образуют столь сложный узор.

Помимо керамики, в могилах представлен весьма характерный для уйбатского этапа окуневской культуры набор инвентаря (рис. 5). Чаще всего это зубы различных животных, которые нашивались на одежду в виде украшений. В погребениях мужчин и, вероятно, мальчиков встречаются мраморные шары различных диаметров с отверстием (рис. 5, 15, 23, 36). В качестве ведущих типов следует отметить костяные колечки с насечками по краю и пластины, выполненные из ребер животного, заостренные с одного края (рис. 5, 1, 14, 26, 33, 37). В отдельных случаях встречаются и другие, весьма распространенные в окуневской культуре предметы: игольники, иглы, шилья, точильные камни и обработанные астрагалы овцы. Можно также отметить находку в одном из сооружений обоюдоострого лезвия кинжала в кожаных ножнах (рис. 5, 16, 17). Действительно уникальные изделия встречаются крайне редко, и их назначение остается неизвестным.

Таким образом, погребения катакомбного типа никак не выделяются по своему сопроводительному инвентарю из круга захоронений уйбатского этапа окуневской культуры. Не наблюдается каких-либо особых типов артефактов или их нестандартное размещение, которые бы позволили сделать вывод об особом статусе этих могил.

Демография

В 15 погребениях катакомбного типа обнаружены останки 19 человек, из которых 9 являлись неполовозрелыми, и определить их пол не удалось. Среди остальных 10 человек – семь мужчин и только три женщины. Учитывая пока небольшую выборку, нет оснований придавать этому какое-то значение. В могилах относительно равномерно представлены все возрастные группы – от новорожденных до людей старше 55 лет. На основании

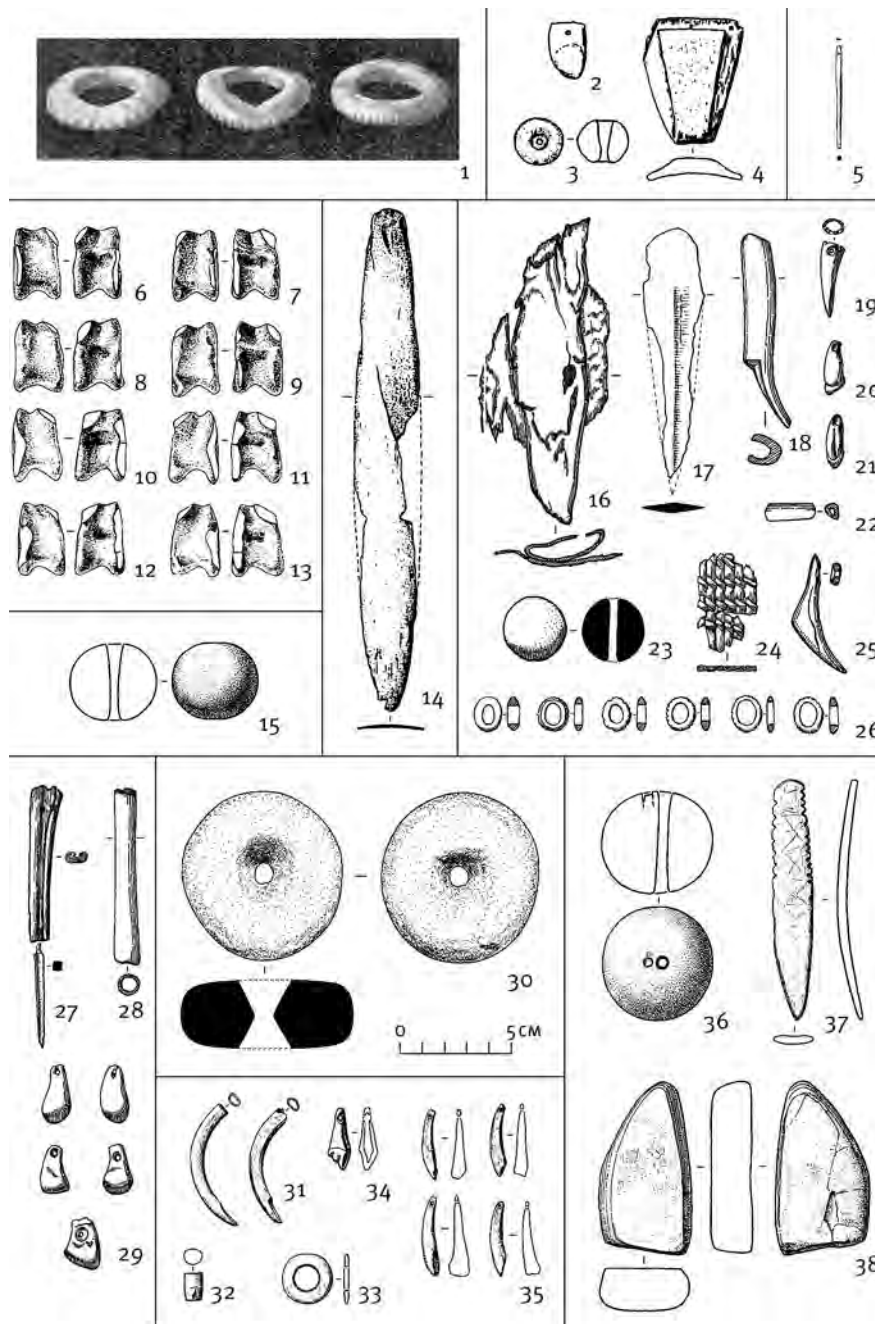
этих данных можно сделать уверенный вывод, что особая конструкция этих могил никак не связана с половозрастными характеристиками погребенных в них людей.

Хронология

На основании артефактов, обнаруженных в погребениях катакомбного типа, можно уверенно относить их исключительно к раннему уйбатскому этапу окуневской культуры, выделенному И. П. Лазаретовым (Лазаретов, 1997). На это указывают характерные сосуды с монотонным орнаментом акцентированными наколами, рядом «жемчужин» под венчиком и окраской поверхности охрой. В этих могилах обнаружены многочисленные артефакты ведущих типов, характерные исключительно для уйбатского этапа: костяные колечки с насечками по краю, мраморные шары с отверстиями, «костяные ножи». К этому же хронологическому горизонту относятся и соседние погребения в курганах Уйбат I, курган 1; Уйбат III, курган 1; Уйбат V, курган 1; Уйбат-Чарков, курган 1; Итколь II, курганы 12 и 14. Таким образом, ни одно из этих погребений не вызывает сомнения в отнесении их именно к уйбатскому этапу окуневской культуры.

Более того, при изучении этих материалов создается впечатление, что даже в пределах самого уйбатского этапа погребения катакомбного типа относятся к наиболее раннему хронологическому пласту. Обращает на себя внимание, что они не встречаются в тех курганах, где уже начинают прослеживаться переходные черты, свидетельствующие о начале формирования черновского этапа. Так, они ни разу не были отмечены в курганах, относящихся к лебяжинскому хронологическому горизонту: Красный Камень, курганы 1 и 2; Усть-Бюрь, курган 5; Лебяжье, курган 3; Итколь II, курган 26 (Лазаретов, Поляков, 2018б. С. 40–41).

На сегодняшний день известны две даты, полученные радиоуглеродным методом, по материалам из окуневских погребений катакомбного типа. Первая из них (**Bln-5196** 4016 ± 30) была сделана по костям погребенного в могиле 4, кургана 1 могильника Уйбат V (Görsdorf et al., 2001. P. 1116, Fig. 1). Проведенные по материалам окуневской культуры исследования не выявили присутствия резервуарного эффекта, который мог бы привести к необоснованному удревнению дат, полученных по костям

Рис. 5. Каменные, металлические и органические предметы из погребений катакомбного типа окуневской культуры.

1 – Есь; 2–4 – Уйбат I, курган 1, могила 7; 5 – Уйбат III, курган 1, могила 2; 6–13 – Уйбат V, курган 1, могила 4; 14 – Уйбат V, курган 1, могила 6; 15 – Итколь II, курган 12, могила 13; 16–26 – Уйбат-Чарков, курган 1, могила 3; 27–29 – Уйбат-Чарков, курган 1, могила 4; 30 – Итколь II, курган 14, могила 8; 31–35 – Итколь II, курган 12, могила 12; 36–38 – Итколь II, курган 12, могила 4А. 1, 4, 6–14, 18, 22, 25–26, 28, 33, 37 – кость; 2, 19–21, 29, 31, 34, 35 – зуб; 3, 15, 23, 30, 36, 38 – камень; 5, 17, 32 – медь; 16 – кожа; 24 – органика; 27 – медь и кость

Fig. 5. Stone, metal and organic objects from burials of the catacomb type of the Okunev culture. 1 – Yes'; 2–4 – Uybat I, barrow 1, grave 7; 5 – Uybat III, barrow 1, grave 2; 6–13 – Uybat V, barrow 1, grave 4; 14 – Uybat V, barrow 1, grave 6; 15 – Itkol II, barrow 12, grave 13; 16–26 – Uybat-Charkov, barrow 1, grave 3; 27–29 – Uybat-Charkov, barrow 1, grave 4; 30 – Itkol II, barrow 14, grave 8; 31–35 – Itkol II, barrow 12, grave 12; 36–38 – Itkol II, barrow 12, grave 4A. 1, 4, 6–14, 18, 22, 25–26, 28, 33, 37 – bone; 2, 19–21, 29, 31, 34, 35 – tooth; 3, 15, 23, 30, 36, 38 – stone; 5, 17, 32 – copper; 16 – leather; 24 – organics; 27 – copper and bone

человека (*Svyatko et al.*, 2017). Вторая дата (**КИА-35272** 4030 ± 50) является результатом анализа нагара с внутренней поверхности курильницы, обнаруженной А. Н. Липским в могильнике Есь (*Gass*, 2011. S. 83–87). Нагар сосудов – один из самых сложных и проблемных источников образцов, который более других подвержен тенденции к удревнению. Полученная по этим образцам дата очень сильно зависит от продуктов, которые были использованы при приготовлении пищи в сосуде. Однако в случае с курильницей, учитывая особенности ее использования и формирования нагара, нет оснований опасаться необоснованного удревнения. Обе даты оказались очень близки между собой и являются наиболее древними из известных определений возраста окуневских захоронений (*Поляков*, 2017а). При сопоставлении с другими датами погребений уйбатского этапа хорошо заметно, насколько они древнее. Они оказываются на стыке массивов дат афанасьевской и окуневской культур (рис. 6).

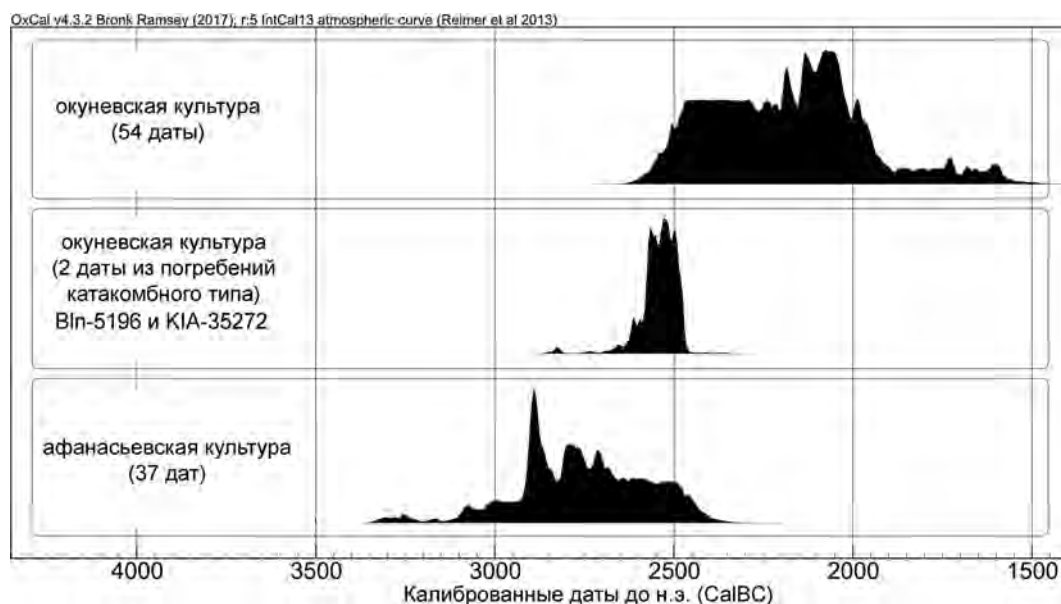
Таким образом, на данный момент нет сомнений, что погребения катакомбного типа окуневской культуры относятся к самому начальному периоду ее формирования и быстро выходят из употребления, полностью исчезая уже к середине уйбатского этапа. Они маркируют очень узкий хронологический го-

ризонт, демонстрируя единство погребального инвентаря.

Выводы

Погребальные сооружения катакомбного типа – не случайное явление в окуневской культуре. Их количество вполне достаточно для первичного анализа имеющихся материалов. На основании приведенных выше данных можно сделать вывод, что этот тип погребальных сооружений не несет особого сакрального или социального значения. Не наблюдается его связи с какой-либо возрастной или гендерной группой. В захоронениях отсутствуют уникальные категории погребального инвентаря, которые бы выделяли их из общего ряда. Размещение по площади кургана и ориентировка погребенных соответствуют стандартам. Эти сооружения следует считать одним из типов погребальных конструкций, находящимся в общем ряду с грунтовыми ямами, каменными ящиками, ямами с заплечиками.

Нет сомнений и в том, что этот тип погребальных сооружений связан исключительно с определенным хронологическим периодом в развитии окуневской культуры – уйбатским этапом. На это ясно указывают особенности погребального обряда и сопроводительного инвентаря. Более того,

Рис. 6. Сопоставление сумм радиоуглеродных определений афанасьевской и окуневской культур с выделением двух дат из погребений катакомбного типа (использованы функции Sum и Boundary)

Fig. 6. Comparison of the sums of radiocarbon definitions for the Afanasevo and Okunev cultures with highlighting of two dates from burials of the catacomb type (functions Sum and Boundary are employed)

есть основания связывать их с начальным периодом уйбатского этапа. Подобные сооружения отсутствуют в рамках лебяжинского хронологического горизонта. Их ранняя хронология подтверждается данными естественно-научных методов. Две даты, полученные радиоуглеродным методом по материалам из катакомбных погребений, являются одними из самых древних среди всех определений возраста окуневской культуры.

На основании вышеизложенного можно предположить, что погребения катакомбного типа непосредственно связаны с той первоначальной группой населения, которая осуществила миграцию в Минусинские котловины и заложила основу формирования окуневской культуры. В этот период мы наблюдаем максимальное разнообразие

признаков погребального обряда и погребальных конструкций: грунтовые ямы с заплечиками, захоронения на правом боку, разнообразные типы катакомбных сооружений. В дальнейшем, в ходе стабилизации культурных признаков, все они выходят из употребления, уступая место каменным ящикам и грунтовым ямам, в которых захоронения совершались исключительно в положении на спине с согнутыми и поднятыми вверх коленями. Вероятно, этот процесс шел довольно быстро и занял не более двух-трех веков. К XXIII в. до н. э. катакомбные погребения, ямы с заплечиками и захоронения на правом боку практически полностью выходят из употребления. Опираясь именно на эти нестандартные элементы обряда, следует вновь вернуться к вопросу о происхождении окуневской культуры.

- Братченко*, 2001 – *Братченко С. Н.* Донецка катакомбна культура раннього етапу. Луганськ: Шлях, 2001. Ч. I, II. 76 с., 124 с.
- Кияшко*, 1999 – *Кияшко А. В.* Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. 182 с.
- Ковалев*, 1997 – *Ковалев А. А.* Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Ред.-сост. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 80–112.
- Лазаретов*, 1997 – *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология / Ред.-сост. Д. Г. Савинов, М. Л. Подольский. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.
- Лазаретов, Поляков*, 2018а – *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Исследования могильника Уйбат-Чарков и новые данные о раннем этапе развития окуневской культуры // ТПАИ. 2018. № 3 (23). С. 41–69.
- Лазаретов, Поляков*, 2018б – *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Могильник Красный Камень – погребально-ритуальный комплекс ранней бронзы // ТПАИ. 2018. № 2 (22). С. 21–46.
- Липский*, 1954 – *Липский А. Н.* Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи // КСИИМК. 1954. Вып. 25. С. 89–98.
- Наглер, Парцингер*, 2006 – *Наглер А., Парцингер Г.* Новые памятники окуневской культуры в Центральной части Минусинской котловины // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / Ред. Д. Г. Савинов и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 104–119.
- Поляков*, 2017а – *Поляков А. В.* Радиоуглеродные даты окуневской культуры // ЗИИМК РАН. 2017. № 16. С. 52–74.
- Поляков*, 2017б – *Поляков А. В.* Особенности организации погребального пространства курганов окуневской культуры // Труды V (XXI) ВАС в Барнауле-Белокурихе / Отв. ред. А. П. Деревянко, А. А. Тишкин. Барнаул: АГУ, 2017. Т. I. С. 337–339.
- Поляков и др.*, 2018 – *Поляков А. В., Лазаретов И. П., Есин Ю. Н.* Исследования Саянской экспедиции ИИИМК РАН памятников эпохи ранней бронзы на озере Итколь в 2016–2017 годах // Бюллетень ИИИИМК РАН. 2018. № 8 (охранная археология). С. 123–139.
- Соколова*, 2006 – *Соколова Л. А.* Типология погребальных сооружений окуневской культуры // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение / Ред. Д. Г. Савинов и др. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 251–259.
- Gass*, 2011 – *Gass A.* Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker Becken. Bonn: Habelt Verlag, 2011. 177 S.
- Görsdorf et al.*, 2001 – *Görsdorf J., Parzinger H., Nagler A.* New radiocarbon dates of the North Asian steppe zone and its consequences for the chronology // Radiocarbon. 2001. Vol. 43 (2B). P. 1115–1120.

Svyatko et al., 2017 – *Svyatko S. V., Schulting R., Poliakov A. V., Ogle N., Reimer P. J.* A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2017. Vol. 9. P. 1379–1388.

Burials of the catacomb type among the materials of the Okunev culture

A. V. Polyakov

Presently, among the materials of the Okunev culture of the Minusinsk hollows, fifteen unique burials of the catacomb type are known. In terms of their construction they are close to synchronous installations in the East-European steppe, but possess marked differences making it impossible to establish the direct links between them. Their examination has shown that the use of burials of the catacomb type in the Okunev culture is not tied with a special social status or gender belonging of the deceased. Typological analysis and radiocar-

bon dating have established a very short chronological span of practising burials with graves of this construction. They were used only in the very earliest period of the formation of the Okunev culture (the beginning of the Uybat stage). This fact suggests that the graves of the catacomb type are among the most important markers of migration, i.e. the appearance of a new group of population which brought its own ‘cultural luggage’ to the Minusinsk hollows having determined the future peculiarity of the Okunev phenomenon.